

Книги Владимира Корна
в серии
**ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК**

АРТУА. ЗОЛОТО ВАЙХОВ

АРТУА. ЗВЕЗДА ГОРНА

АРТУА. УЧЕНИК УЧЕНИКА

АРТУА. БЕРЕГ СКАРДАРА

АРТУА. ДВОРЕЦ ДЛЯ ЛЮБИМОЙ

ДАРИУС ДОРВАН. НАЕМНИК

ВОСЕМНАДЦАТЬ КАПСУЛ КРАСНОГО ЦВЕТА

ОТРЯД СМЕРТНИКОВ

КРИСТИАН ФЛОЙД. СТРАЖ ЛИБЕРИЛЛЯ

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

ВЛАДИМИР КОРН

КРИСТИАН ФЛОЙД.
СТРАЖ ЛИБЕРИЛЛЯ

РОМАН

Москва, 2016
ЭАРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
К67

Серия основана в 1992 году
Выпуск 1001

Художник
М. Поповский

Корн В.

К67 Кристиан Флойд. Страж Либерилля: Фантастический роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2016. — 312 с.: ил. — (Фантастический боевик).

ISBN 978-5-9922-2204-3

Деньги способны решить любую проблему, так думают многие. Точно так же думал и я, пока был беден. А потом все изменилось и мы с друзьями стали обладателями огромного состояния. Правда, деньги эти принадлежали когда-то криминальным отцам нашего города, и теперь на нас открыта охота. Да и воспользоваться богатством в открытую мы не можем. А тут еще и пресса трубит о том, что появился таинственный Страж, охраняющий простых граждан. И все бы ничего, но Стражем почему-то считают меня...

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Владимир Корн, 2016
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2016

ISBN 978-5-9922-2204-3

Сострадание — это мать, вскармливающая судьбу человека.

Из «Кодекса бусидо»

ГЛАВА 1

— Крис, прекрати! Ты его убьешь!

Я посмотрел на притихших соседей по камере, затем перевел взгляд на человека, лежащего на грязном, заплыванном полу. Тот старательно делал вид, будто ему настолько плохо, что следующего удара он уже не переживет. Как же! Человек — самая живучая тварь из всех существующих, и эта мразь не исключение.

— Так кто, говоришь, моя мама?

— Ты меня неправильно понял, — шепеляво ответил он разбитыми в кровь губами, чтобы сразу же испуганно сжаться.

И правильно сделал: сейчас снова будет больно.

Цель себе я наметил — в правый бок, под плавающие ребра, в область печени. Даже несильный удар вызовет приступ дикой боли. Кое-кто надолго запомнит, что за языком надо следить. Особенно в таких заведениях, как это. Да и не только здесь, но и вообще, в любом месте. И в тот самый миг, когда я замахнулся, в коридоре послышались чьи-то тяжелые шаги.

— Живи, урод, — только и оставалось сказать мне, отходя в сторону и присаживаясь на первые попавшие нары: если увидят рядом с ним, ничем хорошим для меня это не закончится.

Щелкнул замок, заскрипела и со стуком открылась дверь. На пороге возникли двое надзирателей. Загляни они в камеру несколькими минутами раньше, им пришлось бы силой оттащить меня от жертвы. И надзиратели наверняка воспользовались бы висящими у них на поясе каучуковыми дубинками, продетыми в ярко начищенные бронзовые кольца. Один из во-

шедших взглянул на скрючившегося на полу человека, зачем-то хмыкнул, после чего взглядом нашел меня.

— Идем, Флойд, тебя господин начальник желает видеть.

«У меня послеобеденный отдых, после зайдешь», — вертелось на языке, и все же мне удалось сдержаться.

Выходя из камеры, я посмотрел в дальний угол камеры, на Трая. Понятно, откуда ветер дует. Гаденышу, с оханьем поднимавшемуся на ноги, и в голову бы не пришло по собственной инициативе сказать то, что он озвучил и за что так славно отхватил. Трай делал вид, будто внимательно что-то рассматривает на потолке, поэтому мой многообещающий и полный угрозы взгляд не увидел.

— Ничего, мы еще встретимся, — прошептал я, едва не уткнувшись в широченную, чуть ли не на полкоридора, спину надзирателя.

Тюремный коридор, почти сплошь состоящий из решеток, встретил меня множеством взглядов. Равнодушных, изучающих, любопытных и даже, уж не знаю почему, полных угрозы. Возможно, споткнувшись именно о такой угрожающий взгляд, я и упал. Упал неловко, буквально на ровном месте, больно ударившись плечом о железные прутья решетки.

Кабинет единственной, а значит, главной столичной тюрьмы, выглядел совсем не таким, каким он должен был быть в моем представлении. Красивая дорогая мебель, массивный письменный стол с резными ножками, бюро красного дерева... Такой кабинет больше подошел бы какому-нибудь далеко не самому захудалому торговцу, банкиру, важному правительственному чиновнику, а то и самому министру.

Под стать кабинету выглядел и хозяин — начальник тюрьмы господин Гленв Дарвелл, осанистый, с плавными величавыми жестами и с шевелюрой, к которой лучше всего подошло бы определение «львиная».

— Присаживайся, Крис, — указал начальник тюрьмы подбородком на один из стульев, целой шеренгой тянувшихся вдоль стены.

Я с сомнением взглянул на их светлую обивку, прекрасно понимая, что чистой мою одежду никак не назовешь, но все же присел. Правда, на самый краешек — до того было жалко испачкать ткань. Помолчали.

Гленва Дарвелла я знал давно. Причем настолько давно, что успел посидеть на его коленях, а самого его раньше называл дядей Гленвом — когда-то он был частым гостем в нашем доме, другом семьи.

В те времена отец мой был еще жив, занимал немалый пост, а сам Дарвелл пребывал на должности начальника полицейского департамента столицы. Вероятно, он и сейчас бы в наш дом частенько захаживал — о его чувствах к моей маме известно даже мне, хотя сам он их тщательно скрывает. Но теперь, когда отца не стало, бывать у нас Гленву не очень прилично.

К тому же нет больше нашего прежнего дома, а то, что есть сейчас, назвать домом не поворачивается язык.

С тех пор как не стало отца, изменилось многое. Вот и сам Дарвелл, которому в свое время прочили чуть ли не портфель министра юстиции, стал всего лишь начальником тюрьмы. Для кого-то подобное назначение могло бы означать венеч карьеры, но только не для него. Для Дарвелла это означает падение по карьерной лестнице на целый пролет.

Я посмотрел в окно, туда, где в небе величественно проплывал дирижабль, и не удержался, чтобы не усмехнуться. Вспомнилось, что в детстве, когда меня спрашивали: «Кем ты хочешь стать?» — я всегда отвечал: «Кочегаром на дирижабле». Это всегда приводило маму в ужас. Тогда я считал, что на дирижаблях обязательно должны быть котлы, и соответственно, и кочегары.

«Вон он какой огромный! И сколько там нужно горячего воздуха! — рассуждал я. — А откуда его еще взять, если не из котла?»

Вполне логичное умозаключение после того, как мы целыми днями с помощью свечи нагревали воздух внутри бумажных фонариков, и они улетали высоко-высоко в небо.

— Крис... — начал Дарвелл, и я, полагая, что он сейчас скажет: «Как ты до такой жизни докатился? И что скажет твоя мама?» — перебил его:

— Господин начальник, меня арестовали ошибочно.

Я перестарался, нарочито растягивая слова и добавляя в голос малую толику гнусавости — именно так говорят представители криминального дна. Дарвелл поморщился.

— Крис, разговор не о том. Мы уже разобрались: там действительно произошла ошибка.

«Которая стоила мне трех дней пребывания в вонючей камере».

— Я знаю, ты забросил университет.

«Сразу после того, как выяснилось, что платить за обучение больше нечем. Ну разве что продать мамины фамильные драгоценности. Хотя, боюсь, дело дойдет до этого и без платы за мою учебу».

Наверное, Дарвелл чувствовал за меня какую-то ответственность. Ведь, сложись все по-другому, он вполне мог бы стать моим отцом. Ну а чем еще можно объяснить его заботу? Когда-то у мамы был выбор, и она сделала его не в пользу Дарвелла.

— Но, по крайней мере, ты же не бросаешь занятия музыкой? У тебя, должен признать, талант, и немалый. — И он забарабанил пальцами по краю столешницы, изображая игру на фортепьяно и закончив мощным акцентированным стаккато.

Мне даже удалось распознать мелодию. Что, в общем-то, было немудрено: Сесилия Цфайнер со своим последним шлягером популярна как никогда. Талантливая девушка: и музыку к своим песням сама пишет, и тексты. Вот, казалось бы, эти стаккато совершенно там ни к месту, но вписываются в мелодию удивительно гармонично. Сесилия — красавица: этакая платиновая блондинка с отличной фигурой. Такой, что нравится всем мужчинам без исключения. И тем, кто предпочитает худышек, и тем, кто обожает полненьких.

В ответ на его вопрос я лишь неопределенно пожал плечами: музыкой необходимо либо заниматься несколько часов в

день, либо забыть о ней вообще. Ну а в моей ситуации — скорее второе.

Хотя в последний раз я играл совсем недавно. Буквально за день до того, как меня сюда замели. На раздолбанном, отчаянно фальшивившем клавире. А сверху по нему samozабвенно скакали барышни неглиже. Или, выражаясь ближе к истине, голые девки. И репертуар у меня был соответствующий. Все происходило в Камонте — портовом районе, где после заката полиция появляется только для очередной облавы. При этом все стражи порядка вооружены, а на границе района на всякий случай дежурит батальон национальной гвардии. И конная жандармерия.

— Вот скажи, Кристиан, чего ты добиваешься? Чего хочешь, о чем мечтаешь? Есть у тебя какая-нибудь цель в жизни?

Чего хочу и о чем мечтаю? Быстрее добраться домой, принять ванну, чего-нибудь покушать и спать, спать, спать в мягкой постели на свежем белье.

А еще поменять одежду, от которой, я даже сам чувствую, пованивает, настолько она пропиталась запахами тюрьмы. Что касается цели в жизни...

— Хочу занять место Ренарда, господин Дарвелл.

— Ну и что ты тогда сделаешь? — В голосе начальника тюрьмы сейчас слышалась легкая насмешка.

— Прежде всего разгоню полицию. Целиком. Полностью.

— Вот даже как? Ну и куда ты без нее?

— Без нее — никуда, — легко согласился я. — Только я бы других набрал, честных и не взяточников.

Таких, которые бы не замаяли дело, расследуя смерть моего отца. Ну не мог он сам застрелиться, слишком он для этого любил жизнь. Мало кто ее так любил. И маму любил, и меня, и мою сестру Изабель. Набрал бы таких полицейских, которые добились бы правды, даже если бы ниточки тянулись слишком высоко, а не отводили бы глаза в ответ на прямые вопросы.

С Дарвеллом на подобные темы можно говорить легко, он не обидится: кристальной честности человек. И я за это его уважаю, причем искренне. Что же до господина Абастьена Ренарда... это наш президент. Причем бессрочный, находится у

руля уже лет двадцать подряд. Нисколько не сомневаюсь в том, что, когда Ренард устанет от власти, что случается крайне редко, или попросту умрет, следующим президентом станет один из трех его сыновей.

— Эх, Крис, Крис! — печально вздохнул Дарвелл, вероятно приняв мои слова за ребячество. Впрочем, так оно и было. — Пора бы тебе уже повзрослеть. Тебе ведь скоро исполнится двадцать один год? А все как ребенок.

Мне еще вчера исполнилось. В грязной вонючей камере. Никогда бы не подумал, что встречу свое совершеннолетие именно так.

Саднили содранные костяшки пальцев. Последнее дело — бить кулаком по зубам. Есть более подходящие цели: кончик подбородка, нос, горло, висок, сбоку под ухо, наконец. Но так хотелось заткнуть этому мерзавцу рот, что я ничего не мог с собой поделать.

А Дарвелл продолжал гнуть свое:

— Тебе нужно взяться за ум, Крис. Ты не глупый и при желании добьешься многого. Несмотря ни на что добьешься. Сколько ты знаешь языков, три?

— Четыре, господин Дарвелл.

А если быть точным, то целых пять. Но о знании пятого не скажу никому — не совсем уверен, что это язык и что я его действительно понимаю.

— Вот видишь! С какой стороны на тебя ни посмотри, ты не безнадежен. Так в чем же причина?

Мне и в голову не приходило проявлять неудовольствие, хотя кому и когда нравились нотации? Этот человек серьезно мне помог. Ну не может быть такого, что Дарвелл вызвал меня в свой кабинет, чтобы отчитать, а затем отправить обратно в камеру. Ясно же, что, как только ему надоест, я окажусь на свободе.

— Ладно, Крис, надеюсь, ты хоть что-то понял и пронялся. Держи. — И он положил на край стола выдавшее виды кожаное портмоне с истертой золотой монограммой в углу. Такому портмоне место на помойке, но оно мне дорого как память об

отце, и я не поменяю его на самое дорогое и новое. — Да, вот еще что. Никогда больше не заходи в ту лавку.

— Не зайду. Теперь уже точно никогда.

— Кристиан, — услышал я в спину уже на самом пороге, — и все же попробуй взяться за ум. Если все так пойдет и дальше, то...

Что — «то», господин Дарвелл? То я кого-нибудь убью? Убью, не задумываясь, если выбор станет между его или моей смертью. Тюрьма или даже каторга — это еще не конец жизни. Иногда все решают мгновения, после чего переделать уже ничего невозможно.

— И не забудь передать привет своей маме, госпоже Флloyd.

Закрывая дверь, я кивнул: не забуду. Хотел я еще сказать ему, что зря он купился на рекламу — не любят логники фильтрованную воду. Хуже для них только болотная. Неужели он сам не видит, что левый нижний угол визора уже фиолетовым начал отдавать? Хотел, но не сказал.

За воротами тюрьмы меня встретил пронизывающий до костей ветер. Оно и понятно. Март. Ветер в это время года всегда дует с Ланкайского залива. Я поплотнее закутался в куртку и поморщился: ее теперь только выбросить, настолько она пропиталась тюремными миазмами. А ведь она в моем небогатом гардеробе лучшая.

Мой путь лежал в самый центр города: именно там я и снял себе мансарду, когда решил жить отдельно от матери и сестры. Компанию мне составлял Слайн Леднинг, мой недавний знакомый. Вместе с друзьями я случайно попал к нему на вечеринку в честь того, что Слайну удалось сбегать одну из своих картин. Слайн — художник, причем явно не без божьей искры. Вот только растрчивает он свой талант на такую мазню, что порой даже зубы сводит от негодования.

Кому-нибудь приходилось рассматривать, например, нарисованный цветущий сквер одним глазом, так как рассматривать шедевр двумя невозможно — все расплывается? Так вот, представьте себе, что у вас не два глаза, а все четыре, и картинка смазывается еще сильнее. Представили? То-то же!

Я бы назвал работы Слайна дикой смесью сюрреализма с гротеском, хотя сам он утверждает: это новое направление в искусстве. Ну-ну. Каждому хочется дать многострадальному искусству что-нибудь новое. Но во всем остальном Слайн — замечательный человек.

Оказался я на той вечеринке благодаря своему лучшему другу Дугу Кайлеру. Он спешил куда-то в компании нескольких парней и девиц, когда мы случайно повстречались на улице. Среди девиц, кстати, одна оказалась весьма симпатичной, и именно из-за нее я и решил последовать за другом. С ней и остался, когда все гости ушли.

Ну а потом как-то само собой сложилось, что Слайн предложил мне переселиться в мансарду, которую он сам снимал. Мансарда вполне могла вместить двух человек с разными интересами, и еще оставалось достаточно места для того, что сам он называл студией. Недолго думая я согласился: почти центр, и плата за аренду, по столичным меркам, весьма скромная. А еще в моей комнате оказался довольно неплохой рояль, пусть и занимал он едва ли не треть всего свободного пространства. Находит на меня иногда... Чувствуешь: если в сию же минуту не сыграешь что-нибудь для души, часть ее безвозвратно погибнет.

Когда до студии оставалось всего ничего, внезапно пошел дождь. Причем такой силы, что в первое мгновение я подумал, будто кто-то меня окатил водой из окна. Миг — и улица, до этого оживленная, опустела: каждый счел разумным укрыться от непогоды. Спрятался от нее и я, шмыгнув в первую попавшуюся дверь кофейни из разряда не самых дорогих.

— Крис! Иди к нам! — послышалось сразу же, едва я оказался внутри.

И я пошел, потому что те, кто меня окликнул, бывают в полиции куда чаще меня, так что их не смутит ни мой вид, ни исходящий от меня запах.

— Привет, девочки! — уже усевшись, поприветствовал я всех троих.

И тут же отодвинулся в сторону, почувствовав, как тесно прижалось ко мне тугое бедро Лилит. Или Брижит. А может,

Кассии. Все-то я этих девчонок путаю. Правда, и запоминать, кого и как зовут, никакого желания нет. Но это совсем не значит, что не стоит улыбнуться всем троим, причем каждой по очереди.

— Ты все такой же недотрога, Крис, — глядя на меня смеющимся глазами, провела Кассия кончиком языка по пухлым губам.

А может, это сделала Брижит. Или Лилит. Хотя точно не Лилит — та светленькая. Хотя попробуй тут определи, кто из них светленькая, если все они вдруг стали рыженькими — последняя столичная мода, надеюсь, кратковременная. Ничего не имею против огнегривых леди, но не всем же им быть именно такими?

— Что будете заказывать, господин Флloyd? — поинтересовался вынырнувший откуда-то из-за спины гарсон.

— Большую кружку кофе, Рик. Со сливками. И сахару побольше. Но именно большую.

Почему-то все три дня, проведенные в душной вонючей камере, я мечтал именно о кофе. Горячем-горячем, и чтобы непонятно было, чего в нем больше — горечи или сладости. И еще сверху толстым слоем должны плавать сливки, обязательно подогретые.

— Девочки, может быть, пирожных или ликера? — поинтересовался я у своих соседок, потянувшись за портмоне, чтобы извлечь из него лорель¹.

Единственный золотой, но его все равно придется разминать, поскольку звеневшей в портмоне меди не хватит даже на кофе.

— Спасибо, Крис, — ответила за всех Брижит. Или Кассия. А возможно, Лилит. — Нам и без того все не съесть.

Она права: сладостей на столе хватало с избытком. Явно у девочек сегодня выходной, и они решили устроить себе маленький праздник.

— Ну тогда только кофе, Рик.

---

¹ Лорель — имеющая хождение в Ангвальде золотая монета достоинством в двадцать серебряных или двести бумажных марок.

— За счет заведения, господин Флойд, — отходя от стола, известил меня официант, и мне лишь оставалось кивнуть: мол, ничего не имею против.

Рика Аарона я знал давно. Впрочем, как и его отца. С той самой поры, когда мой собственный отец был еще жив, мы жили в большом красивом доме в центре Либериля, а из окон моей комнаты прекрасно был виден президентский дворец. Отец Рика работал в нашей семье садовником, и дед его — тоже, и прадед. И сам Рик должен был стать именно им. Но бесплатный кофе — это не напоминание о тех временах, когда все у нас всех было хорошо. Это всего лишь благодарность Рика за своего отца, который долго сидел без дела и которому я помог найти новое место. Кстати, у господина Гленва Дарвелла.

Кофе был восхитительным — именно таким, о каком я и мечтал: крепким, горячим, горьковато-сладким и с восхитительной коричневатой шапочкой из сливок, на которой так и хотелось нарисовать ложечкой улыбающуюся рожицу.

— Крис, а сегодня ты нам будешь читать стихи?

— Нет, — и я решительно потряс головой.

Для этого мне следует смешать полбутылки рома с четвертью бутылки абсента, а перед этим из-за пустяка насмерть разругаться с Кристиной, любовью всей моей жизни.

— Крис, ты чего вдруг помрачнел? — спросила сидевшая рядом Лилит.

Точно Лилит, ну как я об этом сразу не догадался? Ведь только у нее из этой троицы светлые глаза.

— Да так, вспомнилось вдруг...

— Смотри-ка, Брижит, какой жирный гусь! — вдруг обратилась к своей соседке по столу Кассия.

— Угу! — прикусив нижнюю губу зубками, согласно промычала та, и обе они откровенно оценивающим взглядом впились в мужчину возле барной стойки. Ну да — выходной выходным, но и о работе забывать ни в коем случае нельзя: жизнь в столице дорога, а конкуренция в их профессии огромна.

Мужчина возле стойки вовсе не был толст. Так, в теле, что вполне обычно для его возраста около сорока. Но при деньгах, в этом они обе правы. Тут тебе и костюм из дорогой ткани, и

золотая цепочка от часов на животе, и многие другие детали. К тому же он прилично подшофе, а потому огонь в крови, изрядно в силу возраста поугасший, на какое-то время вспыхнул с новой силой. То-то он озирается по сторонам, не иначе как в поисках объекта для амурных приключений.

— Крис, хочешь заработать лорик?¹ — толкнула меня в бок Лилит, отвлекая от размышлений.

— И что я для этого должен сделать?

Еще бы не хочу. Ведь если добавить его к тому, что у меня уже есть, то я смогу себе позволить вполне приличную куртку взамен той, что на мне. Конечно, на все что угодно я не пойду, но выслушать предложение в любом случае стоит.

— Да тут... — на миг смутилась Лилит, но тут же с собою справилась. — В общем, мы с девочками поспорили на целых два лорика, кто из нас первая тебя соблазнит. Ну я и подумала: «А что, если мы их с тобой пополам разделим?» — И она хитро на меня посмотрела.

Благо к тому времени я уже оторвал ото рта опустевшую кружку, иначе вышел бы конфуз: обязательно бы забрызгал нарядное красивое платье Лилит кофе, настолько ее предложение стало для меня неожиданностью.

— О чем это вы там шепчетесь? — Брижит смотрела на нас с подозрением.

— Мы прощаемся, — поспешно заявил я, поднимаясь из-за стола. — Дождь уже закончился, и мне пора. Спасибо за приглашение! Было очень приятно увидеться.

Слова прощания я выслушивал уже в спину. Хорошие девушки, несмотря ни на что. Может быть, еще и потому, что своей профессией они занимаются не так давно и поэтому не успели еще стать до конца циничными.

Никогда не пользовался услугами их товарок по профессии и с этими девицами познакомился достаточно случайно. Почему-то они считают, что я спас их от кровавого убийцы.

Есть у нас такой в Либерилле, который год его уже пытаются поймать. Говорят, на его счету уже десятки жертв, хотя кое-

---

¹ Л о р и к — жаргонное название лореля.

кто утверждает, что их куда больше. Но в любом случае — он действительно существует. Нападает Ночной Безумец, а именно так его прозвали, только на женщин, безжалостно их душил, а затем вырезает на груди букву «К». Рассказывают еще, что поймали уже нескольких убийц, но Ночного Безумца среди них нет. Случается, что и другие душегубы, чтобы отвести от себя подозрения, работают под этого маньяка.

«Кстати, — мелькнула у меня мысль, — повальная мода перекрашиваться в рыжий цвет... Уж не связана ли она с тем, что убийца не трогает рыжеволосых? Утверждают, что ни одной жертвы с таким цветом волос не находили».

Но, как бы там ни было, на этих девчонок точно напал не маньяк. Да, некто угрожал им ножом, да, он прозрачно намекал, что если они все трое с ним не отправятся, то он сделает с ними то, что делал с другими. И все же. Ночной Безумец нападает только на одиночек, но переубеждать я их не стал. Да и бесполезно: если женщина вобьет себе что-нибудь в голову, тут уж никакие доводы не помогут. Я славно отмутузил неизвестного обидчика, хоть он и не был маньяком. Это ж надо такое придумать — кидаться на окружающих с ножом, пусть даже это девицы самого что ни на есть легкого поведения.

Я вышел на улицу, но, не успев сделать двух шагов, ринулся назад, низко склонив голову и едва не сбив с ног идущего за мной человека. И уже внутри заведения облегченно перевел дух. Не заметила. Кристина. Девушка, которая так много для меня значила, куда больше, чем все остальные девушки, вместе взятые. Мне совсем не хотелось, чтобы она меня увидела в том виде, в котором я сейчас пребывал. Все что угодно, только не это.

«Зря я так разволновался, — думал я, наблюдая через окно, как она в компании парней и девиц садится в авто. — До того ли ей сейчас, чтобы смотреть по сторонам на всяких там оборванцев?»

Шикарное, сверкающее черным лаком авто, причем не воюющая керосинка, а на электрической тяге. Таких в Либерилле

сотни полторы, не больше. Когда-нибудь у меня обязательно будет такое же.

«А пока можно переспать с Лилит, заработать на этом целый лорик и купить себе новую куртку. Такую, в которой не нужно будет прятаться от той, кого любишь больше всех на свете», — грустно размышлял я, наблюдая за тем, как Кристине помогает усаживаться в авто какой-то хлыщ с тонкими, строчкой, усиками.

Кристина уже дважды давала согласие стать моей женой. Первый раз, когда ей было шесть лет, а мне — почти восемь. И второй, когда мы стали на пару лет старше.

«Остается сделать третье предложение, — смотрел я вслед удаляющемуся автомобилю. — И получить тот ответ, который я полностью заслуживаю».

Теперь вы знаете обо мне все. Ну или почти все.

ГЛАВА 2

— Ты где пропадал, Крис?

Слайн Леднинг — мой компаньон по аренде мансарды, был тощ, рыж и конопат. К тому же еще и мнителен. Едва я подумал, что, будь он девицей, ночной маньяк им не заинтересовался бы, и, не выдержав, улыбнулся, он тут же начал себя осматривать: что с ним не так?

— Все с тобой нормально, Слайн. И вообще ты талант, каких мало. — Я нисколько не кривил душой, что думал, то и говорил. С ними вообще беда — с людьми, наделенными божьей искрой: вечно они в себе сомневаются. — Уголь у нас остался?

— Уголь? Какой уголь?

Самый обычный, можно даже бурый. Любой, лишь бы согреть в титане воду и смыть с себя наконец запах тюрьмы. Время еще не позднее, вполне успею заглянуть к маме. Вот только надо придумать причину своей пропажи: весть о том, что я провел эти дни в тюрьме, ее убьет.

— А-а-а, уголь! — догадался-таки мой компаньон. — На пару раз еще хватит. Крис... Я тебе тут подарок намалевал. Не бог весть что, но так, как ты любишь. Сейчас посмотришь?

— Конечно же, Слайн. Неси уже давай.

Едва тот скрылся в соседней комнате, самой большой из трех, которая именовалась студией, скрипнула входная дверь, а она у нас никогда не закрывается, и на пороге возник Дуглас Кайлер.

— Дружище! — сразу же начал орать он, едва скинув с себя плащ на меховой подкладке. — Дай-ка я тебя обниму: двадцать один — это уже не шутки. Теперь ты не мальчик, но муж!

Дуг старше меня всего на полтора года, но произнес он все с таким видом, как будто сам разменял уже четвертый десяток.

Дуглас — мой лучший друг. Не обременен особым воспитанием, да и откуда ему взяться? Он вырос в многодетной рабочей семье, где нередки дни, когда приходилось перебиваться с хлеба на воду. Тем не менее, познакомившись пару лет назад, мы быстро нашли с ним общий язык.

Ростом Дуг примерно с меня, чуть, может быть, выше, но более широкоплеч, пусть и ненамного. Надеюсь, что временно: в атлетическом зале я бываю регулярно.

— Крис, — начал оправдываться он, — извини, что не смог встретить тебя возле тюремных ворот: узнал слишком поздно. Я туда пролетку подогнал, а ты, оказывается, с час уже как вышел.

— Ничего страшного, — заверил его я.

«Подумаешь, какое важное событие! — мелькнула у меня мысль. — Кристиан Флойд вышел из трехдневного заключения. Не Сумир Вендель же — главный криминальный авторитет Либерилля».

— Что нового, Дуг? — поинтересовался я, как будто за три дня мир могли потрясти кардинальные изменения.

Ответить друг не успел — в комнату вошел донельзя смущенный Слайн, державший в руках картину.

— Ну-ка, ну-ка! — перехватил ее Дуг. — Нет, что ни говори, голые бабы у тебя куда лучше получаются, — заявил он, после

того как скептически осмотрел подарок. — Особенно та, грудастая.

«Вот же баран! — сморщился я. — Совсем за языком не следит. Не должен Слайн знать, что он видел эту картину. Хотя бы потому, что тот никому ее не показывает. Уверен, это потому, что Леднинг дышит в сторону изображенной на ней натурщицы Лауры более чем неравнодушно».

К счастью, Слайн внимания на его слова не обратил, глядя на меня и ожидая рецензии. Ну а мне картина понравилась. На продажу Слайн пишет, как выражается Дуг, голых баб: почему-то именно они пользуются наибольшим спросом. Для души — то, что представляется мне видениями человека, обкурившегося опия. На этой же был обычный пейзаж: кусочек луга, лес, извилистая лента реки на заднем плане и синие-синие дали.

— Великолепно, Слайн!

— Вот и я говорю: очень даже неплохо. Туда бы еще сиськи где-нибудь с краю пририсовать, и вообще шедевр получился бы. — Дуг откровенно скалился.

Когда я вышел из ванной, где провел добрый час, гостей у нас прибавилось. Четыре девицы-натурщицы, они бывают здесь частенько, правда, не все сразу. И еще один малознакомый тип неприятной наружности. Нет, с виду-то он выглядел вполне нормальным, но то, что он из компании Варелла, давало о себе знать. Есть такой, но о нем чуть позже.

Веселье стояло в самом разгаре, девочки вели себя неприступно, отчаянно кокетничая с кавалерами. И тем неожиданной смотрелось унылое лицо хозяина.

«Ага, вот оно в чем дело», — догадался я, обнаружив одну из натурщиц удобно устроившейся на коленях у Дугласа. Ту самую, о которой недавно шла речь и чьим бюстом Дуг так восхищался.

Удивительное дело: Слайн, которому частенько приходится работать с обнаженной натурой, застенчив, как гимназист. Но суть была в другом: именно к этой девушке, Лауре, он питал чувство, которое какой-то недоумок назвал любовью и ко-

торое иногда так мешает мужчинам жить нормальной жизнью. Теперь мой компаньон ревновал, краснел, пыхтел, несмотря на то, что другие девушки атаковали его со всех сторон, добиваясь внимания. Увидев меня, Слайн почему-то даже обрадовался.

— Останешься? — с надеждой спросил он. — Будет весело. Заодно отпразднуем твой день рождения. Сыграешь что-нибудь.

— Картину продал? — взглянув на обильно заставленный стол, поинтересовался я, на что компаньон кивнул. — Какую именно?

— «Вечер в Карленто». За два лореля, — и во взгляде, и в голосе Слайна сквозила гордость.

Было с чего: такую высокую цену за его работы не давал еще никто. Даже странно: «Вечер», как по мне, это такая мазня! Совсем недавно я высмеивал эту картину. А тут — на тебе: целых два золотых лорика!

«Красок бы лучше купил и кистей! Вечно жалуешься на их недостаток, а сам деньги переводишь», — подумал я. Вслух же сказал:

— Извини, Слайн, не могу. Мне нужно дома появиться: мама и так уже с ума сходит, три дня — никаких известий. И сыграть у меня не получится.

Для убедительности мне пришлось продемонстрировать перебинтованную кисть. Я внутренне скривился: до чего же неудачно все получилось. На зубах полно всякой заразы, не разнесло бы руку.

Вообще-то сыграть пару-тройку мелодий из репертуара той же Сесилии Цфайнер моя рана нисколько бы мне не помешала. Но времени нет — мама заждалась. Тем более, мне еще необходимо придумать какое-нибудь оправдание.

— Потом тебе сыграю, твою любимую, три раза подряд, — пришлось мне утешить Слайна. — Дуг! — окликнул я друга, в упор не замечая выразительных взглядов одной из девиц с сильно подведенными глазами, что придавало ей удивительно томный вид. — Подойди на минутку.

Тот не заставил себя долго ждать.

— Что-то случилось, Крис?

Дуглас смотрел на меня с такой готовностью, что и без слов было понятно: позови его, и он пойдет, не спрашивая, куда и зачем, бросив и угощение, и этих барышень. К слову, выглядевших вполне ничего.

— Как у тебя со зрением?

— Да как будто бы нормально уже все. — Он на миг приложил ладонь к слегка припухшему левому глазу. Не так давно Дугу здорово досталось, глаз заплыл полностью, и он жаловался, что все двоится.

— Тебе эта девица сильно нравится? — задал я новый вопрос.

— Лаура? Да как сказать... Сиськи у нее что надо. Так, и к чему это ты спрашиваешь? — Его лицо озарила догадка. Похоже, он понял, что дело совсем не в его зрении. Кем-кем, но тут-то Дуг никогда не был. — Ты имеешь в виду...

— Именно, — кивнул я. — Ты вот что... Если тебя не затруднит, постарайся, чтобы у Слайна с Лаурой все было хорошо. Для тебя она — одна из многих, но не для него. Обещаешь?

У самых дверей меня догнал тип, имени которого я так и не успел узнать.

— Крис, — начал он и даже схватил меня за руку, но тут же ее отпустил, поймав мой выразительный взгляд. — Я считаю, что Варелл был не прав и что так не делается. Мы даже с ним разругались. В общем, не смотри на меня так.

— Хорошо вам повеселиться, — только и ответил я, прикрывая за собой дверь.

Возможно, не такой он уж и неприятный тип, как мне показалось вначале.

Моя мама никогда не была хорошей хозяйкой. Нет, в случае необходимости она способна состряпать обед, причем вполне съедобный. И в доме у нее всегда все блестит. Но вести хозяйство — это ведь не только уборка, готовка и умение со вкусом подобрать новые портьеры в гостиную. Когда был жив отец, недостатка в деньгах не было и хозяйство вела экономка.

Затем отца не стало, и все пошло прахом. Как говорится, беда не приходит одна — с детками. Рухнули акции крупной железнодорожной компании, приносящей нашей семье основной доход, а откуда-то из темного угла вылезли связанные с наследством судебные тяжбы. Прежде, когда отец был в силе, безнадежные. Закончилось все тем, что нам пришлось продать большой красивый дом с видом на президентский дворец и переселиться почти на окраину. В дом куда меньшего размера, старый, со скрипучими лестницами, по одной из которых я и поднимался сейчас на второй этаж.

— Мы тебя вчера весь вечер ждали, сын. — Мама выглядела олицетворением укоризны.

— Извини, мама: в тюрьму угодил. Знаешь, мы тут с парнями решили на следующей неделе банк ограбить, деньги очень нужны. Через полтора месяца — день рождения у Изабель, и я приглядел для нее гарнитур с ларимарами. Красивые камни, редкие к тому же, они входят в моду, а их цвет как нельзя лучше подойдет к ее глазам. Думаю, Изабель будет рада такому подарку. Ну я и зашел в один магазинчик договориться, чтобы гарнитур придержали. Ты должна помнить его хозяина, Конвера. У него еще есть сын Варелл, когда-то мы с ним дружили и он частенько бывал у нас. Так вот, заглянул я туда, а этот самый недоносок Варелл обвинил меня в том, что я якобы украл с витрины кольцо, когда он отвернулся. И полицейский как будто специально околачивался рядом. В общем, меня загребли. А все дело в Бригитте, вот ее-то ты точно не знаешь. Варелл в нее по уши втрескался, ну а когда узнал, что мы с ней однажды в меблированных комнатах целую ночь провели, почему-то взъялся не на шутку. Хотя, если разобраться, Бригитта сама меня туда затащила, а об отношении Варелла к ней я уже потом узнал. Так я и провел свой день рождения в тюрьме. И если бы не Гленв Дарвелл, точно бы там еще на несколько дней задержался, если не хуже.

Конечно же ничего этого я говорить не стал, пусть даже все было правдой. Лишь промывчал что-то в ответ. Врать категорически не хотелось. Да и не удалось мне придумать никакой уважительной причины.

— Как у тебя дела с учебой, сын?

— Нормально. На днях к кинематике приступили.

Мама до сих пор уверена в том, что я продолжаю учиться. Она считает: раз уж у меня нет никакого желания серьезно заниматься музыкой, то можно стать инженером — вполне достойное для мужчины занятие. Но соврать все же пришлось, когда она спросила, откуда у меня деньги на учебу, ведь я не брал у нее ни единого сантима¹.

— Музыкой зарабатываю. Чем же еще? — ответил я. — Чаще всего — тапером в синематографе, заодно и фильмы смотрю.

В глазах мамы тапер — не самое уважаемое занятие, но для нее главное, чтобы я не скатился до ресторанных музыкантов.

За ужином мама разулыбалась, что бывает крайне редко после смерти отца. Смеющейся за это время я ее вообще всего-то два раза видел. Она у меня красивая. И стройная: со спины ее можно смело за Изабель принять, а фигура у моей сестры — на загляденье!

Мы сидели за столом втроем, и я был в ударе. Острил, рассказывал какие-то веселые истории и даже сыграл мамин любимый сонет. Жаль, что она не захотела спеть — у мамы замечательный голос. Но зато она улыбалась и была почти похожа на себя прежнюю.

Спела Изабель. Голос у нее не сильный, но удивительно приятный. Спела конечно же шлягер Сесилии Цфайнер. Тот самый, который можно услышать в мюзик-холле, в любой ресторации и просто на улице, сейчас его поют все:

Это было прошлым летом.

То ли в Гварне, то ли в Претто...

Признаюсь, я тоже подпевал, пусть и себе под нос. Казалось бы, ну чего в нем особенного? Мелодия весьма незатейливая, не говоря уже о словах. Певица вспоминает о своей мимолетной любви, случившейся с ней, как вы уже поняли, про-

---

¹ С а н т и м — мелкая разменная монета.

шлым летом. Вот только Гварна расположена на самом севере нашей республики, где лето — понятие весьма условное. В отличие от Претто — далекой южной колонии Ангвальда, где все ровно наоборот: о наступлении зимы можно судить только по участвовавшим дождям, а что такое снег, там вообще понятия не имеют. Каково, а?

Дальше я окончательно разошелся, искрометно шутя, и Изабель просто заливалась от смеха. Она смеялась, а я почему-то вспомнил ее с заплаканными, полными тоски глазами. Мама конечно же не знает, но у нас было бы куда больше проблем, если бы Изабель тогда не ответила Гварнелу — есть такой стряпчий, согласием. Намного больше проблем, и не было бы даже такого дома.

Для моей сестры это была огромная жертва, и она на нее пошла ради меня, тогда еще пятнадцатилетнего мальчишки. И убитой горем мамы, которая с трудом понимала, что вокруг нее происходит.

«Ну ничего, — думал я, глядя на дорогих мне женщин. — Все обязательно образуется. Только вот отца уже не вернуть».

— Кристиан, ты останешься?

— Конечно, мама, — не задумываясь, ответил я. — Поздно уже. Только постели мне в кабинете.

В нашем новом доме кабинет был точной копией отцовского. Те же вещи, так же расставлена мебель и даже вид из окна — во внутренний дворик. Не знаю, зачем мама так сделала, получился как будто музей памяти отца. Я не очень любил там бывать, но сейчас возникла необходимость. У нас уже есть три револьвера, но не помешала бы еще парочка. Причем один из них — такой ветхий, что даже Дуг, а он парень отчаянный, опасался из него выстрелить, когда мы испытывали наше оружие в заброшенной каменоломне.

Так вот, мне нужен отцовский револьвер, и, возможно, он находится в кабинете. Спросить напрямую у мамы я не могу. Но вдруг я его обнаружу на этот раз? И останется только избавиться от дарственной надписи на рукояти, по которой легко опознать прежнего владельца. Имя указано полностью, к тому

же револьвер — подарок президента Абастьена Ренарда. Не думаю, что тот раздаривает оружие десятками каждый день.

Когда в комнату неожиданно вошла Изабель, мне только и оставалось, что прикрыть спиной до половины выдвинутый ящик бюро. Проклятые половицы, обычно они скрипят, как несмазанная тележная ось, а сейчас хотя бы одна звук издала.

— Как у тебя дела, Крис? — поинтересовалась сестра, присаживаясь в глубокое кожаное кресло — единственную новую вещь в кабинете. Выглядело оно точной копией того, что, вероятно, осталось в прежнем нашем доме.

Мы всегда были близки с сестрой, и нам обычно есть о чем поговорить. Но не сейчас, ведь другой возможности отыскать револьвер у меня может и не быть.

— Нормально, — пришлось пожать мне плечами. — Как сама? Замуж не собралась? — сморозил я очевидную глупость, отчего Изабель погрустнела.

Есть у нее один дыхатель, готовый взять ее в жены хоть завтра и всю оставшуюся жизнь носить на руках. Уважаемый в обществе человек, крупный промышленник, наверняка входит в первую сотню самых богатых людей столицы. Никаких чувств она к нему не питает, к тому же он старше нее на добрых два десятка лет. Стань Изабель его женой — и дела у нашей семьи сразу поправятся. Все к тому и идет, что сестра в очередной раз пожертвует собой.

В общем, мне нужен револьвер.

ГЛАВА 3

Иногда я кажусь себе умудренным жизнью стариком, чье сознание по недоразумению поместили в молодое тело. Бывает, все происходит с точностью до наоборот, и тогда я ломаю голову: ну как можно вести себя, словно сопливый мальчишка?

После ограбления банка (а оно обязательно должно быть удачным, иначе к чему дело затевать, если не уверен в благополучном исходе?) необходимо будет проследить за тем, чтобы парни сразу же не начали сорить деньгами.

Полиция повсюду имеет своих осведомителей, резонанс от ограбления выйдет громким, так что опасения мои не напрасны. В Густаве и Дугласе я уверен полностью, как в самом себе. Ковар тоже особых опасений не вызывал. Но вот Рамсир — это другое дело. Хотя кто их знает, какая кому шлея попадет под хвост? А значит, деньги придется попридержать, пока все успокоится. Желательно хотя бы на неделю. Лучше — на две или даже на месяц, чтобы уж наверняка. Конечно, тот же Ковар будет категорически против, но ничего, потерпит.

Так вот, я как раз размышлял над тем, какие доводы станут наиболее убедительными, когда под ногу попал камешек. Обычный камешек, из тех, что всегда полно на булыжной мостовой.

«Если попаду между фонарным столбом и вазоном, все сложится удачно», — затаив дыхание, загадал я, ударяя по обломку носком обуви.

Камешек направлялся точно в цель, и ему оставалось пролететь не более трети, когда на пути его встал булыжник, почему-то решивший, что лежать ровной кладкой вместе с остальными ему смертельно надоело. Отрикошетив от него, камешек вонзился в щиколотку какого-то господина, поверх его щегольского, до блеска начищенного ботинка.

Этот господин прогуливался с дамой. К слову, весьма и весьма привлекательной, наряженной в сиреневое полупальто, шелковое платье и модную шляпку с бантом. И в тот самый миг, когда камень нашел себе цель, этот господин пытался убрать с ее розовой щечки что-то для меня невидимое. Дальше он, вздрогнув от неожиданности, едва не ткнул своей спутнице в глаз. Вернее, ткнуть-то он как раз ткнул, но немного промазал мимо глаза, угодив в самый уголок. Дама взвизгнула, сказала ему что-то злое, после чего демонстративно освободила руку и быстро пошла прочь. Ее кавалер, по-

краснев, как вареный рак, бросился за ней вдогонку, бормоча слова извинений. Ну а сам камень, выполнив то, что задумал, спокойно себе улегся точно на воображаемой линии между столбом и вазоном. С самым независимым видом я пересек улицу, пытаюсь определить: пересек он ее хотя бы наполовину или все же нет?

Так и не поняв, решительно двинул по нему ногой, чтобы уж точно. Попенял, что веду себя как мальчишка, проводил взглядом удаляющуюся девушку — фигурка у нее что надо — и побрел себе дальше.

Мэтр Винсенте выглядел, как и обычно, хмурым. Он вообще удивительно не улыбочивый человек.

— Здравствуй, Кристиан, — кивнул он, пропуская меня внутрь своей тесной квартирки на первом этаже каменного двухэтажного дома. — Проходи, присаживайся, — послышалось уже за спиной. — Что с рукой? — поинтересовался он в тот самый момент, когда я уже раскрыл было рот, пытаюсь объяснить, что оплату придется немного задержать. И тут же потребовал: — Снимай повязку, хочу взглянуть.

«Попал, — с тоской подумал я. — Сейчас начнется!»

Рана действительно давала о себе знать: если накануне вечером не чувствовалось ничего, кроме легкого жжения, то сейчас руку пронзала острая боль.

У мэтра Винсенте я беру уроки конду. Давно уже, шестой год пошел.

По своей сути конду — это систематизированные приемы уличной драки. Приемы зачастую весьма грязные, но от этого еще более эффективные. Никаких ограничений нет: подвернулась возможность ткнуть противнику пальцами в глаза — обязательно ее используй. Умудрился со всей силы впечатать ногу ему в пах — молодец, добавь теперь сцепленными руками по затылку. Да так, чтобы шейные позвонки хрустнули. Если даже этого недостаточно — вонзи, уже лежащему, пятку в крестец, непременно вкладывая весь свой вес. Или можно заехать ногой в горло, если твой враг лежит на спине.

Есть и броски. Типичный из них — внезапно присесть, ухватить противника за щиколотки, дернуть вверх и приземлить его головой на землю. Идеальный вариант — на что-нибудь очень твердое. Булыжная мостовая, например, для этой цели вполне подходит.

Конду — это не спорт благородных джентльменов, это вообще не спорт. Он и родился-то в узких темных переулках портовых городов, где противников может быть двое-трое, а часть из них, если не все, сжимают ножи или дубинки. И он меня устраивает полностью, потому что нападать я ни на кого не собираюсь, а для того, чтобы защитить свою жизнь или жизнь близких, все средства хороши.

Винсенте — мастер. Я сам видел, как он играючи, словно нехотя, справился с четырьмя противниками. Все они были повержены одинаково: Винсенте выбил им коленные чашечки одним и тем же ударом ноги. По очереди, разумеется.

Сам он высок, худ, но жилист. Носит бакенбарды, а глаза темного цвета и смуглая кожа выдают в нем уроженца Кастальи, что на юге страны. Он еще относительно молод, не больше сорока, но живет один. И вообще с Винсенте связана какая-то тайна, которую, впрочем, мне совсем не хочется узнавать. Не то чтобы я не любопытен, скорее наоборот, но некоторые знания ничего, кроме неприятностей, принести не могут.

Рука выглядела плохо, опухшая, наливающаяся краснотой. Но хуже всего было то, что на ней отчетливо виднелись ранки от зубов. И я невольно сжался под взглядом Винсенте. Сейчас начнется. Иногда мастер зануден до невозможности. Особенно тогда, когда речь идет об искусстве владения конду, в котором кулаки применяются крайне редко, ибо не так быстры, как удары открытой ладонью, а рот противника — вообще не цель.

— Не смог сдержаться, — промямлил я.

— Бывает, — к моему удивлению, только и кивнул он. — Подожди-ка, сейчас кое-что приготовлю, иначе не миновать тебе визита к хирургу.

Винсенте скрылся за одной из двух дверей, где расположена крохотная кухонька. За другой, справа от нее, находится лестница. Ведет она в полуподвальный этаж, в гимнастический зал, где он и проводит свои занятия. Ничего особенного там нет: несколько туго набитых песком мешков, на которых его ученики и отрабатывают удары, гиря и гантели в углу да болтающиеся на веревках дощечки с парой отверстий на каждой из них. Отверстия изображают глаза — немудреный тренажер для отработки уколов растопыренными рогаткой пальцами. Тренажер немудреный, но действенный: попробуй попади, если дощечки раскачиваются. В общем, ничего интересного в зале нет.

Интересна сама методика обучения. Насколько мне известно, приемы боя, особенно новые, всегда отрабатываются в начале занятия, когда мышцы еще не устали. Но не в случае с Винсенте. Перед тем как научить новым приемам или комбинациям ударов, мастер заставлял выложиться так, что в голове билась одна-единственная мысль: «Быстрее бы весь этот кошмар закончился». И когда ты чувствовал, что вот-вот свалишься на щелястый деревянный пол и будешь долго-долго на нем валяться, приходя в себя от усталости, Винсенте говорил:

— Ну что, пожалуй, приступим.

Какое там «приступим», если к тому времени ты успел уже проклясть все на свете, а более всего — самого учителя, которого и разглядеть-то едва мог из-за пелены в глазах?

Винсенте же свою методику вовсе не считал издевательством и объяснял ее так:

— Тело на фоне крайнего изнеможения пытается сохранить те крохи силы, что у него еще остались, и потому само выбирает наиболее экономные движения. Я сюда никого не звал, — обязательно добавлял он. — Так что можете убираться в любую секунду.

И уходили, причем даже не каждый второй, куда больше. Но те, кто остался, были благодарны мастеру. Знаю по себе.

Есть среди моих знакомых некто Фарид. Старше меня на несколько лет, выше на целую голову и раза в два шире в об-

хвате. Впервые я с ним столкнулся сразу после того, как мы переехали в наш новый дом. И началось. Каждый раз я получал затрещины. Было больно и унижительно. К тому же приходилось выслушивать издевательский смех, и частенько все происходило на глазах у девчонок. Словом, я всячески старался избежать с ним встречи.

Разминуться с Фаридом у меня получалось далеко не всегда. И вот тогда-то я в первый раз попытался найти отцовский револьвер, настолько этот Фарид меня достал. И убил бы, честное слово! Затем он на время куда-то исчез, и когда наши пути снова пересеклись, я уже был готов к встрече.

На этот раз все прошло совершенно по иному сценарию. Я ткнул его основанием ладони в подбородок в тот самый миг, когда он замахнулся, явно намереваясь ударить мне кулаком в лицо. Ткнул несильно, левой рукой, чуть сбоку, чтобы вся энергия моего толчка была направлена на его опорную ногу — это важно. Хватило: Фарид сполз на колени. Тут бы самое время добавить ему ногой в лицо, но я не стал. Как не стал трогать и двух его компаньонов, которые, после того как я сделал шаг в их сторону, подались назад, испуганно замахав руками и явно впечатлившись увиденным.

Казалось бы, полная победа. Но при следующем посещении Винсенте я получил от него такой разнос! Не знаю, откуда он узнал об этом инциденте, но мало мне не показалось.

— Почему ты не стал его добивать? — едва не кричал он. — Почему ты не тронул тех двоих? Чему я тебя учил?

Он не дал мне даже попытки оправдаться, и больше всего я опасался, что в следующий миг услышу от него: «Ноги твоей чтобы больше здесь не было!»

— Благородство — хорошая штука, — продолжил он, когда немного успокоился. — Вот только для него должно быть время и место.

Он немного помолчал, а потом добавил:

— Крис, у меня не так много друзей. Да что там, пальцев одной руки хватит, чтобы их пересчитать. Знаешь, как погиб лучший из них? Примерно в такой же ситуации он и получил

нож в спину, когда решил, что все уже закончилось. Хотя это твоя жизнь, и, возможно, ты уже успел от нее устать.

Вот такой у меня учитель.

Вернулся Винсенте, держа в руках глубокую чашку, полную какой-то зеленоватой жидкости. Поставил ее передо мной на стол и молча указал подбородком: мол, положи в нее руку. Я с сомнением взглянул на чашку и на самого Винсенте. Понятно же, что вода горячая — от нее даже парок поднимается, да и принес он ее, подложив под дно полотенце.

— Давай, пока не остыло, — только и сказал он.

Вода действительно оказалась горячей, и мне, чтобы не вскрикнуть, пришлось даже губу закусить,

— Терпи, — услышал я от него. — Боль всегда уходит через еще бóльшую боль. А я пока чай заварю.

Чай Винсенте любил. Наверное, это было единственной его слабостью. Обычный крепкий чай, без молока, лимона или чего-либо еще.

— Чай должен быть черным, как ночь, и сладким, как грех, — любил говаривать он.

К чаю на столе всегда присутствовали рогалики, слобные булочки, кексы или какие-нибудь бисквиты. Причем в таком количестве, что, попив у Винсенте чайку, вполне можно было обойтись без обеда. Мэтр никогда не делал культа из процесса чаепития. Разве что сам напиток был настолько крепок, что далеко не каждому придется по вкусу. Что характерно, выпечка у Винсенте всегда была свежая. Однажды, когда я завалился к нему за час до назначенного времени, в воздухе витал запах слобы, а мэтр выглядел немного смущенным.

«Сам он, что ли, печет?» — подумал тогда я и, вероятнее всего, был недалек от истины. Хотя трудно представить этого плечистого, резкого в движениях мужика с взглядом, от которого все время хочется поежиться, колдующим у печи в белоснежном фартуке и колпаке.

Вот и сейчас я ожидал, что Винсенте вернется с подносом, на котором и будет находиться все необходимое для обещан-

ного чаепития. Но нет, в руках он держал бинт и какую-то баночку, от которой издали разило березовым дегтем.

— Вот теперь порядок, — заявил учитель, когда нанес на мою руку мазь, а затем туго перебинтовал рану. Наверное, даже слишком туго.

«Не помешала бы мне завтра повязка», — подумал я, сжал воображаемую рукоять револьвера и несколько раз дернул указательным пальцем.

Сжимал не на виду, спрятав руку под стол, но разве от мэтра что-нибудь скроешь? И все же его вопрос едва не застал меня врасплох.

— Стрелять, что ли, в кого-то собрался? — неожиданно поинтересовался Винсенте, пристально глядя мне в глаза.

— Нет-нет, — поспешил я его успокоить. — Туговато просто.

«Не дай бог, действительно придется стрелять. Но в любом случае с моей стороны это прокол. Ограбление банка вызовет большой шум, а Винсенте не тот человек, который не умеет складывать один плюс один», — пронеслось в голове в то время, как сам я пытался выдержать взгляд мастера. Винсенте промолчал, но по всему было видно, что получилось у меня не слишком убедительно.

Чай, несмотря на свою обычную крепость, был вкусным. Особенно после того, как я добавил в него четыре ложки сахара. Теплые рогалики в очередной раз подтвердили мою догадку о том, что Винсенте печет их сам. Мы молчали некоторое время, пока наконец мастер не поинтересовался:

— Крис, может, тебе денег занять? Сколько тебе нужно?

Вообще-то я зашел к нему в первую очередь из-за того, чтобы попросить небольшую отсрочку. И вдруг — такое предложение. Ну явно же он меня подозревает. Теперь придется только надеяться, что его подозрения внутри него и останутся, когда он убедится, что был прав.

— Спасибо, — решительно помахал я головой. — Я, наверное, пойду.

— Ну смотри.

Когда я обернулся у двери, чтобы кивнуть прощаясь, он явно что-то хотел добавить еще, но промолчал. Деньги у Винсенте имеются, причем немалые, это я знал точно. Даже удивительно, что он ведет такой образ жизни и живет там, где живет.

Но однажды я от него услышал: «Мужчина должен решать свои проблемы самостоятельно». И я полностью согласен с этим утверждением.

ГЛАВА 4

— Крис, а у тебя было много женщин? Ну, после того...

«...что между нами произошло», — закончил я за Кристину.

Мы были первыми друг у друга тогда, два года назад. Все случилось, потому что мы оба к этому стремились.

— Платье тебе очень к лицу, — уклонился я от ответа. Много ли, мало — это смотря с кем сравнивать. — В рыжий цвет не хочешь перекраситься?

У Кристины замечательные русые волосы. Но Ночной Безумец продолжает охотиться за своими жертвами. Рассказывают, что буквально накануне обнаружили еще одну, и снова не рыжую.

— Ты не ответил на мой вопрос.

— А у тебя — мужчин?

— У меня?

Кристина улыбнулась, выражение ее лица показалось мне мечтательным, и в тот самый миг, когда я с болью приготовился услышать: «Да, много», — за окном раздался истошный вопль молочника:

— Молоко! Свежее молоко!

— И чего так орать? — Просыпаясь, я поморщился. — В надежде раздобыть очередного клиента? Так все жители этого дома, как, впрочем, и окрестных, уже пользуются твоими услугами.

Я лежал, вспоминая подробности сна. К чему бы такое приснилось? И почему на Кристине было алое платье? К тому, что сегодня может произойти, — к крови? И еще этот ее вопрос, про моих женщин. И ответ, услышать который мне помешал вопль молочника и в котором почти не сомневался.

Говорят, если посмотреть в окно, сон сразу же выветрится из головы. Так я и поступил, поспешив выглянуть на улицу: слишком неприятен мне этот сон, и чем скорее он забудется, тем лучше.

Я в очередной раз оглядел свою банду. Ну а как еще можно назвать всех этих парней во главе со мной, если мы собрались ограбить банк? Возможно, будет стрельба и человеческие жертвы.

Волновались все — это было хорошо заметно. У Дугласа покраснелась рожа, что мне нравилось. Приходилось однажды читать, что какой-то там древний завоеватель отбирал воинов для особых заданий именно по этому признаку — покрасневшей коже лица в критической ситуации. Что-то там связано с психологией, и это куда лучше, нежели бледность. Хотя в Дуге я и без того был уверен. Другие выглядели бледновато, и Густав, и Ковар. Не говоря уже о Рамсире, того вообще заметно потряхивало, что послужило поводом для подтруниваний над ним Дугласа. Правда, Рамсир остался в пролетке, с нами не пошел. Именно на пролетке нам и предстояло скрыться после удачного или (не хочется даже об этом думать) неудачного ограбления. Главное, чтобы у Рамсира выдержали нервы и он не скрылся раньше времени, если что-то пойдет не так.

Мы стояли через улицу напротив двухэтажного здания банка «Либерилльский национальный кредит». Название громкое, хотя сам банк весьма заурядный. К тому здесь не главный офис, а один из филиалов. Но расположен он на границе промышленного района, и сегодня тут должна быть крупная сумма денег — на фабриках выдают жалованье. В общем, если повезет, мы сорвем неплохой куш.

— Приготовились! — Я поправил перчатку на перебинтованной руке, чтобы повязка не была видна: даже такая мелочь

может обернуться большими неприятностями — в полиции работают далеко не дураки, и стоит им только кого-то заподозрить!..

Еще перчатки были нужны для того, чтобы не оставить отпечатки пальцев. Читал недавно в криминальной хронике, что именно таким образом и вышли на грабителей ювелирного магазина. Хотя я все же сомневаюсь, что полиции помогли раскрыть дело найденные на месте преступления отпечатки, раньше мне о таком не приходилось слышать. К тому же газетчикам особого доверия нет: вечно они что-нибудь напридумывают, чтобы создать сенсацию. Но перестраховаться все же стоило.

Всю предыдущую неделю, за исключением тех трех дней, когда я «навещал» тюрьму, мы посвятили подготовке. Побывали в самом банке, чтобы узнать расположение комнат. Нашли похожее помещение в заброшенном здании и много раз врывались туда, имитируя нападение. И, наконец, просто потренировались надевать маски на лица и быстро извлекать оружие. Замешкаешься в самый неподходящий момент и вместо того, чтобы нагнать страху на банковских клерков, вызовешь их смех своими нелепыми потугами изобразить из себя грозных грабителей.

— Идем, — скомандовал я в ответ на вопросительный взгляд Дугласа: мол, чего мы тянем? И тут же словно какая-то сила заставила меня добавить: — Стоп!

Откуда-то из-за поворота улицы со стороны центра донесся частый стук подков по булыжной мостовой: кто-то явно сюда торопился. Возможно, никакой опасности для нас сей факт не представлял, и все же я решил перестраховаться. Как выяснилось мгновениями позже, не зря.

Показавшееся из-за поворота ландо с убранным верхом остановилось точно напротив входа в банк, и из него выскочило несколько вооруженных людей. Все они, включая возницу, ворвались в здание. А дальше... дальше внутри началась такая пальба, что мы дружно переглянулись — налетчиков ждала засада, никаких сомнений. Перестрелка продолжалась некоторое время, пока наконец из дверей, прижимая руку к окровав-

ленному боку, не выбежал один из грабителей. Ему удалось сделать всего несколько шагов, когда раздался еще один выстрел. Незадачливый грабитель упал как подкошенный, и голова его едва не разлетелась на куски от угодившей в нее тяжелой револьверной пули.

На некоторое время все мы застыли как изваяния: опоздай эти люди всего на каких-то полминуты, и на их месте были бы мы.

— Уходим, — выдавил из себя я.

И мы пошли, скрывшись в той арке, откуда не так давно появились. Мы молчали, переживая только что увиденное зрелище. Первым подал голос Густав.

— Крис, завидую твоему спокойствию, — сказал он. — У тебя ни один мускул на лице не дрогнул. И вначале, и после того, что мы увидели.

— Амигдала, — негромко произнес Дуг.

Я искоса взглянул на него: надо же, запомнил. Однажды рассказал ему, что есть такой участок в человеческом мозге, который отвечает за чувство страха. И если он поврежден, человек становится бесстрашным. Врожденная ли аномалия или внешние воздействия — эффект один. Утверждают, что амигдалу можно повредить специально, и это якобы в древности умели делать. Чуть ли не тот завоеватель, что обожал красномордых воинов. Не знаю, правда ли это, но моя амигдала тут ни при чем.

При чем Винсенте — это именно его заслуга. Вернее, давний наш разговор о человеческой трусости, жизни и смерти.

— Страшна не сама смерть, — говорил он, разливая темный, почти черный чай по изящным невесомым фарфоровым чашечкам, даже на вид — безумно дорогим. Наверное, это были единственные ценные вещи в его скромной квартире. — Смерть — всего лишь миг, после чего приходит небытие, когда ничего нет, вообще ничего. Но страх перед ней преодолеть трудно.

— И как его преодолеть? — поинтересовался я.

Мастер лишь пожал плечами:

— Просто не бояться, вот и все.